

УДК 93/94

Жидкова О.В., кандидат исторических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ Одинцовский филиал (Россия)

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Россия)

ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ И ФРАНЦИИ И УРЕГУЛИРОВАНИЕ ГРЕКО-ТУРЕЦКОГО КОНФЛИКТА В 1820-е гг.

Целью данной статьи является исследование и анализ роли России и Франции в урегулировании греко-турецкого конфликта 1820-е гг. Данный конфликт связан с национально-освободительной борьбой греков за независимость от Османской империи. Россия была заинтересована в решении греческого вопроса совместно с Францией и пыталась привлечь ее при выработке решений, касающихся будущего Греции. При этом это не были исключительно двухсторонние отношения, потому что и Англия, и Австрия также выступали в этот период активными участниками международных отношений по решению греческого вопроса. Партнерство России и Франции не носило постоянного и стабильного характера. Но преобладающая в этот период поддержка Францией внешнеполитического курса России способствовала благоприятному для Греции окончанию борьбы за независимость.

Ключевые слова: греческий вопрос, Александр I, Николай I, И.А. Каподистрия, К.О. Поццо ди Борго, Карл X, Петербургский протокол, Лондонская конвенция, русско-турецкая война 1828-1829 гг.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-01-44-51

Сложившаяся после наполеоновских войн в 1814-1815 гг. в Европе Венская система международных отношений преследовала в первую очередь цель обеспечить Европе стабильность и, основываясь на принципе легитимизма, сохранять политический и территориальный статус-кво государств. Соблюдать наметившийся в Европе «баланс сил» планировалось посредством «концерта великих держав», а также Священного союза, конгрессы которого должны были способствовать соблюдению принципа легитимизма. Любое посягательство на эту стабильность, будь то изменения политического курса или народно-освободительные движения в той или иной стране, виделись участникам данной системы угрозой ее целостности и стабильности. Большую роль в создании этой системы сыграл российский император Александр I, который выступал за обсуждение и решение проблем совместными усилиями ради поддержания мира в Европе. При этом в послевоенное время сохранялось соперничество России и Англии в решении международных проблем, особенно в Восточном вопросе. Поэтому Александр, будучи не только романтиком, но еще и прагматиком, сделал «ставку» на развитие и укрепление отношений с побежденной Францией в целях противостояния политическому и экономическому могуществу Англии. Последняя в свою очередь также стремилась

заручиться поддержкой французских Бурбонов в политике ослабления влияния России на международной арене.

Начавшиеся в марте 1821 г. революционные события в Греции привлекли внимание прежде всего России и Англии, а также Австрии, Франции и в меньшей степени Пруссии. Политика Англии и Австрии в отношении событий в Греции определялась их основной целью не допустить самостоятельного вмешательства России в урегулирование греко-турецкого конфликта, что, несомненно, привело бы к усилению ее международного влияния, а также не способствовало бы сохранению целостности Османской империи. Поэтому эти страны в 1821 г. считали единственно верным решением данного вопроса подавление восстания греков силами самой Турции [13, с. 84]. Пруссия придерживалась сдержанной политики во время обострения Восточного вопроса в начале 1820-х гг. и поэтому заняла выжидательную позицию.

Франция на первых порах не имела четкой позиции по отношению к греческому вопросу. Главной задачей для нее было поддержание мира внутри страны и восстановление своего статуса европейской державы как равной остальным участникам международных отношений. В этой связи Россия, зная о существовании «устойчивой связки «Англия-Австрия» с явной антирусской

направленностью в восточном вопросе», искала поддержки со стороны Франции, к которой Александр I, «несмотря ни на что, испытывал симпатию» [6, с. 128].

Национально-освободительная борьба в Греции имела неоднозначную оценку как у императора Александра I, так и среди руководителей внешнеполитического ведомства Российской империи. Конечно, очень многое связывало Россию и с греческим народом, и с их родиной. На юге России, преимущественно в Одессе, проживала многочисленная греческая диаспора. А возглавлял Российское министерство иностранных дел в должности статс-секретаря грек Иоаннис Каподистрия, ставший на русской службе Иваном Антоновичем, в душе несомненно желавший независимости своей отчизне. Этим и объясняется позиция Каподистрии, призывающая Александра I к активным и самостоятельным действиям в поддержку греков. Его коллега, второй статс-секретарь по иностранным делам К.В. Нессельроде, как «ревностный защитник принципов 1815 г.» [10, с. 108], выступал за коллективное участие в греческом вопросе. На первых порах сам Александр I воспринял греческую революцию как еще один очаг напряженности в Европе, подрывающий и без того хрупкую стабильность в Европе, поэтому и «отнесся с крайней суровостью к восставшим христианам» [12, с. 107]. При этом политика поддержки, защиты и покровительства православным народам, проводимая российскими императорами уже начиная с середины XVII в., подталкивала Александра I поддерживать «двенадцать миллионов славян, греков ... и других народов Европейской Турции», которые «находились в подчинении всего у одного миллиона турок» [5, с. 113]. Поэтому, по мнению одного из исследователей данной темы для России «греческое движение возникло совершенно не вовремя» [7, с. 195]. В двусмысленное положение перед остальными участниками Священного союза Россию ставил и тот факт, что один из организаторов первых волнений среди греков был Александр Ипсиланти, который находился на русской службе и дослужился в России до чина генерал-майора. Вскоре после начала греческой национально-освободительной революции А. Ипсиланти был уволен с

русской службы, а также лишен воинских званий и боевых наград.

Отношение России к греческой национально-освободительной борьбе за независимость выразил уже 14 (26) марта 1821 г. И.А. Каподистрия в письме к графине Р.С. Эдлинг (урожденная Стурдза): «Мы не одобряем факт революции, но ... будем соблюдать строгий нейтралитет, если только не понадобится дружественного вмешательства России для ограждения греков от мести турок» [15, с. 172].

Не помогли урегулированию разрастающегося конфликта внутри Османской империи и обращения царского правительства, направленные в июне-июле 1821 г. правительствам Англии, Франции, Австрии и Пруссии [10, с. 109; 13, с. 88] с предложением разрешить России от лица Священного союза вмешаться в греко-турецкий конфликт. Но проводимая турецкой стороной политика в отношении греков, выражавшаяся в притеснениях и массовых убийствах греков и константинопольского патриарха, вынудила Александра I пойти в июле 1821 г. на разрыв дипломатических отношений с Османской империей. И с этого времени утвердилась официальная позиция Санкт-Петербургского внешнеполитического ведомства по греческому вопросу, которая заключалась в необходимости вмешательства в этот конфликт совместно с другими странами, разделяющими позицию России.

Подтверждением изменения позиции России к греко-турецкому конфликту летом 1821 г. служит и очередное письмо И.А. Каподистрии графине Эдлинг от 30 июня 1821 г., содержание которого во многом предвосхищает будущие события: «Прочтите внимательно наши ноты, с которыми мы обращаемся к европейским дворам, и вы убедитесь, что одна лишь мысль преобладает в них. Если они не захотят заодно с нами служить делу религии и человечности, то все же будут поставлены в большое затруднение и даже невозможность пойти против нас. Без сомнения, мы оказываем нашим некоторую услугу, лишая их врагов возможности открыто выступить против них. Не без труда достиг я этого, но это еще не все, еще далеко до конца!» [15, с. 174].

Одним из первых шагов Александра I

было выдвинутое им предложение оформить союз с Францией для совместного участия в урегулировании греческого вопроса, о чем французский посол в Санкт-Петербурге граф Огюст де Лаферронэ секретной депешей сообщал в Париж в июле 1821 г. [2, с. 133]. Правда данное предложение не получило развития. И столь благоприятный для России союз не состоялся. Не получил своего развития и план России по коллективному урегулированию греческого вопроса на проходившем в октябре-декабре 1822 г. в Вероне последнем конгрессе Священного союза.

Дальнейшие изменения в отношении России к освободительной борьбе греков произошли под влиянием нескольких факторов. Так, в августе 1822 г. главой английского министерства иностранных дел был назначен Джордж Каннинг, который, в отличие от своего предшественника Роберта Каслри, признал в марте 1823 г. греков воюющей стороной. Причин у Англии изменить отношение к борьбе греков за независимость было несколько. Это и рост поддержки греков со стороны политической и культурной элит страны, и отъезд добровольцами десятков англичан в Грецию для борьбы за независимость этой страны, и рост недовольства в парламенте со стороны оппозиции политикой, проводимой представителями правящей партии тори, и морская блокада греками торговых, в том числе и английских, кораблей. Но главной причиной изменения английской позиции по отношению к нараставшему греко-турецкому конфликту было нежелание Англии потерять контроль над событиями и предоставить тем самым решающую роль России в урегулировании данного конфликта.

Позиция Франции с приходом к власти в 1824 г. нового короля Карла X в греческом вопросе также начала меняться в пользу греческих повстанцев. Изменения были вызваны как желанием французского правительства активизировать свою политику в регионе греко-турецкого конфликта и «восстановить свое влияние на ближневосточных рынках» [17, с. 47], так и учитывая широкую поддержку французской общественностью греческих повстанцев. Франция в 1825 г. даже «предложила согласовать с союзными странами вопрос о коллективном демарше в

отношении Порты» [13, с. 97]. Но Россия в начале осени 1825 г. начала стягивать войска к границе с Турцией [9, с. 195], исчерпав дипломатические варианты решения греческого вопроса. Только смерть Александра I остановила военный план разрешения усилившегося на фоне греческой борьбы за независимость конфликта с Турцией.

Второй период греческой борьбы за независимость связан с восшествием на российский престол в декабре 1825 г. Николая I. «Новичок в политике», он, довольно быстро освоившись во внешней политике, разделял подход своего старшего брата императора Александра I к решению греческого вопроса, выступая за более активные действия по его урегулированию при активном участии России, но заручившись поддержкой Франции. А Франция, наоборот, в это время испытывала сильное влияние Австрии, которая выступала за невмешательство французского правительства в греко-турецкий конфликт.

Итогом длившихся на протяжении длительного времени переговоров между Россией и Англией о выработке совместного плана действия по урегулированию греко-турецкого конфликта стало подписание представителями России и Англии 23 марта (4 апреля) 1826 г. Санкт-Петербургского (Петербургского) протокола относительно греческого восстания [12, с. 341-343]. Данный документ положил начало освобождению Греции и стал в этом процессе первым европейским дипломатическим документом. Подписавшие протокол страны объявляли о своем посредничестве в отношениях между Османской империей и Грецией, получавшей согласно этому документу широкую автономию.

Новость о подписании «мартовского протокола» по греческому вопросу произвела в Париже «ошеломляющее впечатление». По словам российского посла во Франции К.О. Поццо ди Борго, французский министр иностранных дел барон А.-И.М. де Дама пребывал от этой новости в «величайшем унынии» [12, с. 210]. Именно на К.О. Поццо ди Борго, сторонника сближения России с Францией, была возложена обязанность убедить французское правительство присоединиться к этому документу «для скорейшего окончания обрушившихся на

Грецию несчастий» [12, с. 211]. Но не только Россия хотела заручиться союзничеством с Францией после подписания Петербургского протокола. Англия и Австрия приложили огромные дипломатические усилия в привлечении Франции каждая на свою сторону. Нерешительность и неопределенность позиции Франции была прервана пришедшей из Греции новостью в апреле 1827 г. об избрании греческим национальным собранием президента страны. При этом выбор греков пал на бывшего главу МИД России И. Каподистрию. Только поэтому усилия России добиться поддержки Францией российской позиции по греческому вопросу и опасения Франции «не получить своего куса пирога» [16, с. 65] привели в итоге к присоединению французских властей к Петербургскому протоколу. Подписанная 24 июня (6 июля) 1827 г. Лондонская конвенция России, Англии и Франции подтверждала содержание англо-русского протокола 1826 г. с внесением изменений в секретную статью, допускавшую возможность применения к Турции «крайних мер» в случае не признания ею в течение месяца посредничества трех стран в решении греко-турецкого конфликта. После того как Турция отказалась признавать автономию Греции, союзники отправили совместную эскадру в Средиземное море к берегам Греции, возглавил которую старший в чине английский вице-адмирал Э. Кодрингтон. Примечательно, что руководство эскадрой английской стороной вызвало недовольство французских властей. Это нашло отражение в письме министра иностранных дел Франции Дама, направленном 25 июля 1827 г. поверенному в делах Габриэлю де Фонтенэ, в котором министр просит передать российской стороне предложение, чтобы союзная эскадра принимала решения сообща, не передавая их одной стороне. Если данное предложение не будет принято российским императором, Дама предлагал передать руководство русской стороне [4, д. 2271, разд. 8, ч. 1, л. 40]. Не желание Франции подчиняться английскому главнокомандующему косвенно свидетельствует о том, что не только российское руководство стремилось к укреплению отношений с Францией, но и французская сторона проявляла заинтересованность именно в союзе с Россией, а не Англией. Но

Николай I не принял данное предложение, отметив, что «объединенный флот представляет собой союз» (подчеркнуто Николаем I) и что Россия подает пример не обидчивости, предписывая командующему российской эскадрой контр-адмиралу Л.П. Гейдену подчиняться адмиралу Э. Кодрингтону [4, д. 2271, разд. 8, ч. 1, л. 40] как старшему по званию.

Результатом пребывания совместной эскадры в Средиземном море стала победа англо-франко-русского флота в сражении 8 (20) октября 1827 г. в Наваринской бухте над турецко-египетским флотом. Несмотря на то, что новость о победе союзных войск произвела сильнейшее и радостное впечатление в английском обществе, Англия, а вслед за ней и Франция, испугавшись возможных осложнений в отношениях с Турцией и роста влияния России на нее, поспешила заверить османское правительство в прекращении военных действий против турок. Именно поэтому российский посол в Лондоне князь Х.А. Ливен в отчаянии писал главе внешнеполитического ведомства России графу К.В. Нессельроде, «что какой-то злой рок преследует Греческое дело» [11, с. 368]. Правда, на разрыв дипломатических отношений с Турцией союзные государства все же решились, опасаясь своим бездействием предоставить России возможность самостоятельно урегулировать конфликт.

От назначения в январе 1828 г. новым министром иностранных дел Франции П. Лаферронэ российская сторона ждала более активной французской поддержки в конфликте с Турцией. Но наметившегося двухстороннего сближения не произошло. При этом именно Франция продолжала выступать за сохранение трехсторонних отношений, но при очевидном лидерстве России, чего не могла допустить для себя Англия.

Начавшаяся в апреле 1828 г. русско-турецкая война также поспособствовала сближению России и Франции. Проявилось это сближение и в инициативе Парижа отправить к берегам Греции французский экспедиционный корпус, чтобы освободить территорию от египетских войск, которые оказывали помощь Турции, и при обсуждении границ Греции на проходившей в марте 1829 г. Лондонской конференции. Подробно дипломатическая подготовка к конференции, участие

России и Франции в ее деятельности и их роль в выработке итогового протокола, определившего границы и будущее устройство Греции, изложены в работе Е.И. Федосовой [16].

Участие французских военных в русско-турецкой войне ограничилось только присутствием на театре военных действий с наблюдательной миссией [14, с. 95]. Правда, несмотря на то, что в период русско-турецкой войны ни Франция, ни Англия, ни Австрия не принимали в ней участия, русские агенты III отделения сообщали в мае-июне 1829 г., что в Константинополе султан привлекает австрийских, английских и французских специалистов из-за нехватки своих военных кадров. Сообщая из Григориополя, статский советник Лазарев ссылается на имеющуюся у него информацию, что французские военные, «четыре штаб и обер-офицера, кои по неудовольствиям и преследованиям удалились из своей отчизны», командуют регулярными войсками, число которых «стараятся увеличить и приспособить к военному ремеслу» [3, д. 8, л. 7]. Согласно данным Лазарева, «тайные европейские агенты настаивают и советуют Порте упорствовать, преподают наставления и средства к плану войны и способы к обороне», а австрийские агенты «рассеивают неблагоприятные слухи» о неопытности молодых воинов в российской армии [3, д. 8, л. 3об.]. Такого рода информация свидетельствует о неоднозначном отношении представителей западноевропейских государств к греко-турецкому конфликту.

Русско-турецкая война не нашла поддержки в официальных кругах Англии и Австрии и только обострила отношения между странами. Английское правительство даже считало необходимым «принять меры для немедленного прекращения войны» [16, с. 68]. В отечественной историографии, наоборот, высказывается однозначное мнение об оправданности войны между Россией и Турцией. Но в российской исторической науке существует несколько точек зрения о целях России в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Согласно одному подходу Николай I, начиная войну с Турцией, «меньше всего думал о судьбе народа, страдавшего от гнета турок» [11, с. 131]. По мнению другого

исследователя, война «спасла Порту и всю Европу от большой войны и от перспективы масштабного передела земель и сфер влияния», была «мало популярна в России и не вызывала бурного протеста великих держав» [8, с. 206]. Конечно, слова о том, что «война преследовала скорее общеевропейские, чем русские интересы» кажется не соответствующей реальным причинам и целям России в войне, но и не исключает имевшейся у России цели начать войну с Турцией, в том числе и для урегулирования греческого вопроса.

Истинное отношение России к судьбе Греции, противоречащее одному из вышеприведенных мнений, можно понять из текста письма российского вице-канцлера К.В. Нессельроде своему бывшему коллеге И. Каподистрии, составленное 2(14) марта 1829 г. Сообщая о захваченных Россией в ходе войны турецких пленниках, Нессельроде упоминает о двух десятках молодых греков, которые насильно были обращены в ислам. Автор передает «благожелательное намерение» Николая I «проявить великодушную заботу о несчастных», распорядившись «принять их на учебу в киевское военное училище за счет правительства и под особым надзором начальства этого заведения». В дальнейшем, после окончания обучения император распорядился отправить этих молодых греков домой в «распоряжение в. с-ва (Каподистрии), дабы Вы могли использовать этих людей так, как Вам покажется наиболее полезным и соответствующим их призванию и полученному ими образованию» [1, с. 109].

На завершающем этапе греко-турецкого конфликта, в августе 1829 г., вновь появилась реальная возможность сближения России и Франции, исходящая на это раз от французской стороны. Глава нового правительства и министр иностранных дел Франции Жюль-Огюст-Арман-Мари Полиньяк предложил «большой проект» изменения границ европейских государств, установленных в 1815 г. на Венском конгрессе [16, с. 73-74]. После одобрения этого проекта французским королем Карлом X, французскому послу в Санкт-Петербурге герцогу де Мортелу было поручено ознакомить российского императора Николая I с его содержанием. Запоздалый и при этом чересчур дерзкий проект Полиньяка не получил развития, потому

что исход русско-турецкой войны в то время был уже очевиден для России. И он не совпал со взглядами Николая I на сложившуюся в 1814-1815 гг. систему международных отношений, поддержание которой было одной из его главных задач во внешней политике.

Закончившаяся победой России и подписанием в октябре 1829 г. Адрианопольского мира, русско-турецкая война явилась завершающим этапом борьбы греков за независимость, провозглашение которой состоялось в феврале 1830 г. на Лондонской конференции.

В целом, России на протяжении греко-турецкого конфликта приходилось лавировать между Францией и Англией и путем компромисса и длительных переговоров достигать выгодного результата и по отношению к грекам, и для поддержания и развития российско-французских отношений. Помимо Англии и Австрии, негативную роль на развитие отношений между Россией и Францией в 1820-е гг. оказывала и политически нестабильная внутренняя ситуация во Франции, и частая смена министров и послов внешнеполитического ведомства, что не способствовало выработке и соблюдению одного

последовательного и благоприятного для России отношения Франции к греко-турецкому конфликту. Конечно, ставка на союзнические отношения с Францией в противовес английскому могуществу не были для России «бескорыстными и отличались дальновидностью» [6, с. 130]. Франция также, поддерживая в 1820-е гг. союзнические отношения с Россией, преследовала корыстные цели: вернуть утерянный статус великой державы, укрепить свои позиции в Средиземном море и на Ближнем Востоке.

Политика России, Франции и Англии способствовала созданию независимого греческого государства. Победа России в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. укрепила положение страны на международной арене. Но и Франции русско-турецкая война помогла совершить удачную оккупацию Алжира в 1830 г., что закончилось завоеванием французами этого североафриканского государства. В дальнейшем, на протяжении 1830-1840-х гг., именно позиции Франции были наиболее сильными [8, с. 163] в Греции, чего сложно было бы добиться, займи Франция в 1820-е гг. враждебную грекам и России позицию.

Список литературы

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия вторая. 1815-1830 гг. Т. VIII (XVI). М.: Международные отношения, 1994. 712 с.
2. Гончарова Т.Н. Французские дипломаты в России (1814-1848): персоналии и карьеры. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 130-136.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 Секретный архив III Отделения Е. И. В. канцелярии. Оп. 4а.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего Дворца. Оп. 1.
5. Гуткина И. Г. Греческий вопрос и дипломатические отношения держав. // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1951. Т. 130. Вып. 18. С. 112-156.
6. Дегоев В. В. Александр I и проблема войны и мира в Европе (1815-1825). // Россия XXI. 2002. № 3. С. 112-137.
7. Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700-1918 гг. М.: РОССПЭН. 2004. 496 с.
8. Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30-40-е гг. XIX в.). М.: Наука. 1980. 189 с.
9. Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I. // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 192-201.
10. Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М.: Высшая школа. 1963. 288 с.
11. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией и иностранными державами. Т. 11: Трактаты с Англией. 1801-1831. СПб., 1895. № 432. С. 322-343; 362-

381.

12. Мартенс Ф.Ф. Россия и Франция во времена реставрации и июльской монархии. // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. X. 1907. № 7 (июль). С. 99-138; 1907. № 8. Август. С. 205-242.

13. Мильчина В.А. Французы в России при Николае I: «вредные» и «полезные». // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 95-111.

14. Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815-1829. От Венского конгресса до Адрианопольского мира. М.: Наука. 1998. 270 с.

15. Переписка графа И.А. Каподистрии. // Вестник всемирной истории. 1900. № 5 (апрель). С. 151-174.

16. Федосова Е. И. Дипломатия Франции на заключительном этапе восточного кризиса 20-х гг. XIX в. // Новая и новейшая история. 1986. № 6. С. 64-75.

17. Федосова Е. И. Петербургский протокол 1826 г. и дипломатия Франции. // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 46-57.

DIPLOMACY OF RUSSIA AND FRANCE AND THE SETTLEMENT OF THE GREEK-TURKISH CONFLICT IN THE 1820s.

The purpose of this article is to study and analyze the role of Russia and France in the settlement of the Greek-Turkish conflict in the 1820s. This conflict is associated with the national liberation struggle of the Greeks for independence from the Ottoman Empire. Russia was interested in solving the Greek issue jointly with France and tried to involve it in the development of decisions concerning the future of Greece. At the same time, this was not exclusively a bilateral relationship, because both England and Austria were also active participants in international relations during this period to resolve the Greek issue. The partnership between Russia and France was not permanent or stable. But the prevailing support of France for Russia's foreign policy during this period contributed to a favorable end for Greece's struggle for independence.

Keyword: Greek question, Alexander I, Nicholas I, I.A. Capodistria, C. O. Pozzo di Borgo, Charles X, the Petersburg Protocol, London Convention, the Russian-Turkish war of 1828-1829.

References

1. Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty Rossijskogo ministerstva inostrannyh del. Seriya vtoraya. 1815-1830 gg. T. VIII (XVI). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. 712 s.

2. Goncharova T.N. Francuzskie diplomaty v Rossii (1814-1848): personalii i kar'ery // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. 2008. Vyp. 4. CH. 1. S. 130-136.

3. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. 109 Sekretnyj arhiv III Otdeleniya E. I. V. kancelyarii. Op. 4a.

4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. 728. Kollekcija dokumentov Rukopisnogo otdeleniya biblioteki Zimnego Dvorca. Op. 1.

5. Gutkina I. G. Grecheskij vopros i diplomaticheskie otnosheniya derzhav. // Uchenye zapiski LGU. Seriya istoricheskikh nauk. 1951. T. 130. Vyp. 18. S. 112-156.

6. Degoev V. V. Aleksandr I i problema vojny i mira v Evrope (1815-1825). // Rossiya XXI. 2002. № 3. S. 112-137.

7. Degoev V. V. Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700-1918 gg. M.: ROSSPEN. 2004. 496 s.

8. Dulina N. A. Osmanskaya imperiya v mezhdunarodnyh otnosheniyah (30-40-e gg. XIX v.). M.: Nauka. 1980. 189 s.

9. Kinyapina N. S. Vneshnyaya politika Nikolaya I. // Novaya i novejschaya istoriya. 2001. № 1. S. 192-201.

10. Kinyapina N. S. Vneshnyaya politika Rossii pervoj poloviny XIX veka. M.: Vysshaya shkola. 1963. 288 s.

11. Martens F. F. Sobranie traktatov i konvencij, zaklyuchyonnyh Rossiej i inostrannymi derzhavami. T. 11: Traktaty s Anglij. 1801-1831. SPb., 1895. № 432. S. 322-343; 362-381.

12. Martens F.F. Rossiya i Franciya vo vremena restavracii i iyul'skoj monarhii // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya. CH. X. 1907. № 7 (iyul'). S. 99-138; 1907.

№ 8. Avgust. S. 205-242.

13. Mil'china V.A. Francuzy v Rossii pri Nikolae I: "vrednye" i "poleznye" // Otechestvennye zapiski. 2014. № 4 (61). S. 95-111.

14. Orlik O. V. Rossiya v mezhdunarodnyh otnosheniyah 1815-1829. Ot Venskogo kongressa do Adrianopol'skogo mira. M.: Nauka. 1998. 270 s.

15. Perepiska grafa I.A. Kapodistrii // Vestnik vseмирnoj istorii. 1900. № 5 (aprel'). S. 151-174.

16. Fedosova E. I. Diplomatiya Francii na zaklyuchitel'nom etape vo-stochnogo krizisa 20-h gg. XIX v. // Novaya i novejschaya istoriya. 1986. № 6. S. 64-75.

17. Fedosova E. I. Peterburgskij protokol 1826 g. i diplomatiya Francii. // Voprosy istorii. 1985. № 3. S. 46-57.

Об авторах

Жидкова Оксана Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионального управления и национальной политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ Одинцовский филиал (Россия), E-mail: jidkova.ov@mail.ru

Попова Елена Анатольевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов (Россия), E-mail: e-popova@yandex.ru

Zhidkova Oksana Vitalievna - PhD in History, associate professor of the Department of regional management and national policy Odintsovo campus of the Moscow State Institute of International Relations (University) MFA RF, (Russia), E-mail: jidkova.ov@mail.ru

Popova Elena Anatolievna – PhD in History, associate professor of the Department of World History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: e-popova@yandex.ru